

УДК 321
© 2015 г.

В.П. Макаренко

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФИГУРЫ
И ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Макаренко Виктор Петрович – доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, директор Центра политической концептологии ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: vpmakar1985@gmail.com

---

Аннотация. В статье анализируются социальные фигуры и властно-управленческий аппарат современного российского общества. Дается общая характеристика современных социальных фигур – ликвидация различия между манипулятивными и неманипулятивными социальными отношениями. Отмечается, что все фигуры при выполнении ролей не обсуждают проблему оснований собственного социального статуса. Выделяются следующие типы социальных фигур: задолжавший, медиазависимый, поднадзорный, представляемый. Делается вывод о том, что в нынешней России вместо элиты существует «театр теней», и состав господствующего меньшинства расплывчат и смещен в сторону политтехнологов и чиновников.

Ключевые слова: социальные фигуры, власть, управление, российское общество.

А. Макинтайр показал, что современное общество состоит из нескольких ключевых фигур [4, с. 258–271]. Социальная фигура – это типологическая конструкция. Она предписывает определенные правила поведения людям, выполняющим социальные роли. Фигура содержит в себе драматические и моральные мотивации. В ней сливаются роль и личность. Социальные фигуры представляют определенную культуру. Специфика культур определяется типичными свойствами выступающих в них фигур, которые обладают репрезентативностью на

длительных промежутках времени. Идеи и теории могут воплощаться в жизнь только благодаря фигурам. Одновременно фигуры служат масками. Человек надевает их на себя под влиянием общественного мнения, философских, этических и политических теорий.

Эстет, менеджер и терапевт – типичные фигуры современного общества. Первообраз эстета восходит к аристократии прошлых веков. Она обладала свободным временем для воспитания и культивирования этического и эстетического вкуса. На протяжении последнего столетия эстет преобразовался в тотального потребителя. У него нет времени для формирования самобытного вкуса, и потому он довольствуется шаблонами, которые культивируются рекламой. Первообраз менеджера восходит к прусскому офицеру. Фигура терапевта восходит к представителям юридических и духовных (идеологических) сословий, которые пытаются врачевать общественные нравы.

Общая характеристика современных социальных фигур – ликвидация различия между манипулятивными и неманипулятивными социальными отношениями. Менеджер не интересуется вопросом о целях организационных структур, терапевт считает пустым звуком вопрос о целях человека. Эти цели устанавливаются без соотношения с комплексом концепций человека (экономического, политического, религиозного, производящего, играющего и т.п.). Менеджер сосредоточен на технологии преобразования сырья в готовый продукт, инвестиций – в прибыль, неквалифицированной рабочей силы – в квалифицированную. Терапевт занят технологией по преобразованию тела и души индивидов в идеальные винтики современного социального организма. Комплекс социальных ролей и профессий вписывается в данные характеристики.

Все фигуры при выполнении ролей не обсуждают проблему оснований собственного социального статуса. Они осознают себя и воспринимаются другими людьми как «необходимые» элементы социальной жизни. Поле деятельности социальных фигур ограничено стремлением к достижению «консенсуса» с кем угодно. А сфера деятельности предстает перед ними как комплекс фактов, средств достижения целей и калькулируемого успеха. В результате ценность истины в современном обществе подменяется ценностью успеха – экономического, организационно-управленческого, психологического, политического, идеологического. Однако успех любого действия нисколько не свидетельствует о его истинности. Подмена истины успехом легитимируется главными идеологиями современности и их философскими продуктами. Словарь потребительских, менеджерских и терапевтиче-

ских действий пронизывает всю сферу повседневной жизни, образования, религии, СМИ, политики и социальной науки.

Социальный статус эстетов-потребителей, менеджеров и терапевтов определяется их местом в иерархии знаний и навыков. Сама же иерархия как определенное и потому ограниченное социально-историческое отношение не ставится под сомнение. В результате устраняется принципиальная противоположность между демократическим содержанием познавательных, моральных и политических проблем и монополией социальных групп на менеджерскую и терапевтическую деятельность. Рассмотрим примеры осознания данной противоположности.

М. Хардт и А. Негри показали, что в экономической и политической жизни возникли новые фигуры: гегемония финансов и банки породили *задолжавшего*; контроль над информацией породил медиазависимого; режим безопасности сконструировал фигуру поднадзорного; разложение демократии выковало деполитизированную фигуру представляемого [5, с. 85–104]. Кратко опишем эти фигуры.

Задолжавший. Иметь долги становится условием жизни в обществе. Почти невозможно жить, не влезая в долги (кредит на обучение, ипотека, машина в кредит, услуги врача и т. д.). Система социальной защиты перешла от всеобщего благосостояния к всеобщему состоянию задолженности, поскольку займы стали основным средством обеспечения социальных нужд. Каждый выживает тем, что набирает долги и живет под грузом ответственности за них.

Следствия такого состояния разнообразны: ограничение и ликвидация сферы свободного выбора; должник – это несчастное сознание, делающее вину формой жизни; возврат диалектики раба и господина; превращение отношений обмена в иерархичное отношение должника к кредитору; превращение всего общества в фабрику; рост эксплуатации производительных способностей человека (тела, ума, общения, интеллекта, творчества, аффективных отношений); превращение ренты и долга в способ поддержки и контроля отношений производства и эксплуатации.

В целом движение от эксплуатации к задолженности соответствует преобразованию производства из порядка, основанного на прибыли, в порядок, основанный на ренте. При финансовом контроле над жизнью это стало неразличимым. Произошел возврат фигур долгового работника и крепостного.

Медиазависимый. В прежние эпохи политическое действие скрывалось тем, что у людей не было доступа к информации, средств для

коммуникации и выражения своих взглядов. Сегодня репрессивные правительства тоже ограничивают доступ к веб-сайтам, закрывают блоги и страницы на «Фейсбуке», устраивают нападения на журналистов, перекрывают доступ к информации. Но информационные сети в конечном счете преодолевают все подобные барьеры.

Однако: «Проблема больше не в том, – пишет Делез, – чтобы люди себя выразили, а в том, чтобы обеспечить маленькие промежутки уединения и тишины, в которых они могли бы в конце концов найти что сказать. Репрессивные силы не пресекают самовыражение людей, а скорее заставляют их себя выразить. Это такое счастье, когда вам нечего сказать, право ничего не говорить, ведь только тогда есть шанс произнести нечто редкое – и все более редкое – то, что стоит того, чтобы это высказать». Вступая в коммуникацию, занимаясь самовыражением в Интернете и социальных сетях, люди укрепляют репрессивные силы, а не противостоят им. В вопросах политического действия и освобождения на карту поставлено не количество, а качество информации, коммуникации и самовыражения.

Труд и производство все больше зависят от медиа. Технологии распространения и обмена информацией становятся все более важными во всех типах производственных практик и имеют ключевое значение для тех видов кооперации, которые необходимы для нынешнего биополитического производства. Средства связи и социальные сети одновременно освобождают и приковывают к работе. Со смартфоном и беспроводной связью можно отправиться куда угодно и быть на рабочем месте. Зависимость от медиа все более размывает границы между работой и жизнью.

Вследствие этого отчуждение труда превратилось в медиазависимость. Современное сознание поглощено сетью. Поэтому возникает проблема отделения репрессивных возможности медиа от их освободительного потенциала. В 1960-х гг. была изучена информация на заводе «Оливетти» в Италии и установлено, что рабочие производят «информацию, создающую стоимость»; управленческая бюрократия производит информацию контроля. Отсюда вытекает различие между живой и мертвой информацией, аналогичное марксовскому понятию о живом и мертвом труде: «Живая информация непрерывно производится рабочими, чтобы преобразоваться в мертвую информацию и кристаллизироваться в виде машин и всего бюрократического аппарата». Фигура медиазависимого скрывает лишенный своего потенциала человеческий интеллект. Медиазависимый полон мертвой информацией, которая душит способность создавать живую информацию.

Основы политического действия формируются посредством не циркуляции информации, а конструирования политических аффектов, для чего требуется быть физически близко друг к другу. Палаточные городки и оккупирующие акции 2011 г. заново открыли эту истину. «Фейсбук», «Твиттер», Интернет полезны, но не могут заменить совместное бытие и общение как основу коллективного политического разума и действия. Участники оккупирующих акций по всему миру познали свою способность создавать новые политические аффекты путем пребывания вместе.

Поднадзорный. Сегодня идет непрерывный сбор информации. В определенных местах (вокзалы, улицы, бюро занятости, клиники, государственные учреждения, школы, магазины) наблюдение усилено. Прогулки по улице записываются камерами видеонаблюдения, покупки по кредитной карте отслеживаются, звонки по мобильному телефону перехватываются. Технология слежки проникла глубоко в общество.

Раньше тюрьма отделялась от общества и была учреждением тотального надзора. Сегодня тотальный надзор стал состоянием общества в целом. Глаза стали добровольными помощниками универсальной машины слежки. В поднадзорном обществе есть два типа действующих лиц: заключенные и охранники. Людей призывают играть обе роли одновременно.

Поднадзорный – это фигура, которая культивируется отсутствием нормального правопорядка. Чрезвычайное положение – это состояние войны: в одних частях мира эта война вялотекущая, в других ведется интенсивно, но полностью не прекращается нигде. Однако чрезвычайное положение не является естественным состоянием общества. Проблема в том, является ли оно сущностью современного государства и целью всех властвующих фигур. Чрезвычайное положение есть форма тирании, которой люди повинуются добровольно.

Тирания выражается в следующих явлениях: рост числа тюремных заключенных во всем мире (с учетом не только обычных тюрем, но и мер судебного надзора, карантинных центров, лагерей беженцев и пр.); расовый и этнический перекоп численности тюремных заключенных (в США латиноамериканцев лишают свободы вдвое чаще, чем белых, а афроамериканцев – вшестеро чаще; цифры по России мне неизвестны); возврат к элементам плантационной системы и расовой сегрегации; милитаризация общества.

Таковы конкретные проявления режима безопасности, при котором все задержаны и завербованы. Присущие режиму безопасности формы вербовки и лишения свободы играют роль, которую Маркс

приписывал «кровавому законодательству» докапиталистической Англии, направленному на неимущие и бродяжнические классы. Соучастие в делах общества безопасности работает как дрессура или муштровка желаний, надежд и страхов. Тюрьма функционирует как склад для избыточного населения и как жупел для населения «свободного». Экономический и финансовый кризис добавляет страх не иметь работы, что также блокирует свободное волеизъявление граждан. Поднадзорный живет в страхе перед наказанием и внешними угрозами одновременно. Страх перед господствующей властью и полицией тоже вносит свой вклад, но более важен обобщенный социальный страх перед другими опасными и неизвестными угрозами. Любую несправедливость можно оправдать фантомами обобщенного страха.

Представляемый. В последние десятилетия развивался кризис классической модели демократии. На этой основе подверглись критике шаблоны: о том, что мы находимся посреди длинной исторической траектории перехода от различных форм тирании к демократии; о том, что представительные формы правления являются одновременно демократическими и капиталистическими; о ценности всемирного распространения всеобщего права голоса как инструмента включения населения в политику. Движения 2011 г. исходили из иной предпосылки: представительство – это не механизм, а препятствие для осуществления демократии. Фигура представляемого синтезирует фигуры задолжавшего, медиазависимого и поднадзорного.

Власть финансов отнимает у людей возможность объединяться и создавать организации, которые могут финансировать предвыборные кампании. Вступить в соревнование за свой счет можно только при условии большого богатства. В противном случае приходится подкупать и быть подкупленным. Попав в правительство, представители продолжают самообогащаться. В политике невозможно добиться истины без контроля над СМИ. Они обычно сдерживают и блокируют продвижение независимых кандидатов, создают препятствия для новых форм демократического участия, практикуют тактику запугивания. Фанатизм и насилие порождают козлов отпущения, погромы меньшинств и облавы на альтернативные идеи.

На протяжении последних десятилетий происходит угасание и отмирание институтов государства и гражданского общества. Структуры участия стали невидимы (зачастую они криминальны или контролируются лобби). Представляемый действует в обществе без интеллекта, которым манипулируют тупые медийные клоуны. Он осознает крах структур представительства, но не видит альтернативы. На его

страхе возрастают популистские и харизматические виды политики, которая даже не притворяется представительной. Отмирание институтов гражданского общества было следствием падения социальной роли организаций и союзов рабочего класса. Другой причиной были обманутые надежды на преобразование, самоубийство предпринимательской способности, разжиженной гегемонией финансового капитала и важностью ренты как механизма социального сплочения.

Представительство по определению есть механизм, отделяющий население от власти. Уже в процессе разработки республиканских конституций XVIII в. было ясно, что представительство не работает посредством действенного участия населения, даже тех белых субъектов мужского пола, которые обозначались словом «народ». Оно было задумано как «относительная» демократия, поскольку позволяло одновременно подключить людей к властным структурам и отделить от них. Сегодня парадокс представительства завершен. Его политический контекст как орудия демократии сузился. Системы представительства создавались на уровне национальных государств. Возникновение глобальной структуры власти подрывает их. Возникающие международные институты не представляют волю различных народов. Политические соглашения достигаются, а деловые контракты подписываются и гарантируются в рамках структур глобального правления помимо представительных органов национального уровня. Функция представительства уже не действует в глобальном пространстве.

В глобальном контексте фигура гражданина не принимает активного участия в политической жизни. Он в одиночку сражается в джунглях социальной жизни. Представляемый есть продукт мистификации. Задолжавшему отказано в контроле над его производительной социальной способностью. Интеллект, аффективная способность и способность к языковым изобретениям медиазависимого больше не принадлежат ему. Поднадзорный лишен возможности сближающего, справедливого и любящего социального обмена. Представляемые потеряли доступ к результативному политическому действию.

Таким образом, представительство скорее препятствует, чем способствует демократии. В последние годы все более острой становится проблема обновления проекта демократии и возврата к политической власти гражданина-рабочего. Один из путей лежит через восстания и бунты против лишенных потенциала фигур субъективности.

Теперь кратко скажу о ситуации в России. В 1990-е гг. был создан народный архив, на основе которого Н.Н. Козлова написала книгу. В предисловии к книге Г. Павловский отмечал: «Советское попросту

отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Они здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [2, с. 3–5].

Что же это за образцы? Н.Н. Козлова описала ментальную карту типов советских людей.

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел – стал читать Библию. Верноподданный офицер после войны читал лекции на тему «Роль т. Сталина в организации ремонта бочек на фронте». Профсоюзный деятель с полностью атрофированной социальной памятью. Председатель колхоза – ярый сталинист. Осведомитель НКВД носил подмышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом». Тупоголовый партийный и профсоюзный работник, который жил и мыслил в языке советских плакатов. Простая женщина, для которой письмо «наверх» и «Отче наш» выступали в одной функции – как взывание к Богу. Жертва режима (жена заключенного, затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар». Бывшие люди (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства – М. Булгаков, М. Горький, К. Чуковский, Л. Сейфулина, Б. Пильняк, П. Корин, Д. Шостакович, А. Толстой и пр.) славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру. Молодежь периода застоя превратила труд в абстрактную категорию, а досуг – в главное пространство общения. Дети советской номенклатуры – новые буржуа, писатели, художники [2, с. 104, 217, 328, 360–361, 420].

Таков базис современного российского общества. Обращаю внимание: советские «чеканы и образцы» состоят из малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Среди них нет фигуры гражданина как активного участника политической жизни. Главный вывод Н.Н. Козловой таков: эти люди готовы были все простить государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попоранной было чести (отмена раскулачивания, воз-

вращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, про- скальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить – конечно, с разной степенью истости» [2, с. 486].

Итак, новая ментальная карта типов советских людей воплощает старую гегелевскую идею о тождестве государства и типов людей. Эта идея воплощается в готовности наследников типов советских людей все простить государству.

Вдумаемся в этот вывод. Если человек незаслуженно нанес нам вред – мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть, но и Уголовный кодекс на нашей стороне. Если же нас обидели государевы люди – мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. «Парадокс в том, – отмечает Н.Н. Козлова, – что советский модерн – это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий» [2, с. 471–486].

С учетом этой констатации воспользуюсь социологическим исследованием «Левада-Центра». В нем описаны структура и свойства сложившихся в советское групп «номенклатурных функционеров» и интеллигенции и их постсоветских наследников [1].

Главное отличие того, что считается российской элитой (людей, «назначенных» властью быть «элитой»), от того, что принято в модернизированных, правовых и открытых государственных системах западного типа, заключается в том, что в комплектовании и формировании элиты участвуют только государственные органы. Поэтому я предлагаю вместо категории «элита» пользоваться концептом «господствующее меньшинство», разработанным Р. Далем [3]. Советское и постсоветское господствующее меньшинство – это государственная бюрократия и ее фракции. Она образует итог разложения тоталитарного режима. Она не теряет связи с органами власти и управления, ведомствами, занимающимися репродукцией режима (система образования и т.п.), социальным контролем, так называемыми правоохранительными органами (суд, прокуратура, полиция, спецслужбы). Главные функции господствующего меньшинства – отраслевое директивное управление, кадровый контроль, легитимация режима, осуществляемая путем информационного ограничения, пропаганды, пиара, убеждения, но никак не целеполагание, обсуждение или критика политики. Отсюда – тенденция к закрытости и изоляции власти от общества.

В нынешней России вместо элиты существует «театр теней». Состав господствующего меньшинства расплывчат и смещен в сторону политтехнологов и чиновников. Сюда входят теневые игроки (администрация президента и ее «советники»), исполнители важных ролей («говорящие головы» власти), заместители авторитетов, публичная клоака (СМИ, эксперты, аналитики), тусовка, изображающая публику (поп-звезды, «интеллигенты – совесть народа», ученые – директора академических институтов или университетские ректоры, лауреаты госпремий, писатели), ассоциированные с властью предприниматели.

Персональный состав господствующего меньшинства включает госчиновников (руководители департаментов или управлений ведомств) высшего и среднего уровня; директорат, менеджмент госпредприятий или крупных акционированных концернов, контролируемых государством; крупных предпринимателей (из бывших ИТР, руководства среднего уровня) – собственников и управляющих акционерными обществами и корпорациями; чекистов, вошедших в бизнес в качестве обеспечения служб безопасности и информации, использующих свои ресурсы связей для инсайдерской информации в бизнесе; государственных чиновников высокого уровня, переходящих в частный бизнес и сохраняющих связи с госаппаратом; руководителей влиятельных СМИ, ведущих журналистов; лоббистов корпораций; звезд поп-культуры; политических аналитиков и политтехнологов, политических обозревателей; депутатов (предприниматели, отставные чиновники и руководители высокого ранга, силовики – армейские или гэбистские генералы, старая номенклатура среднего и высокого уровней); лидеров партий (вступающих в закулисные соглашения с кремлевской или региональной администрацией); функционеров общественных организаций, фондов, руководителей НКО; руководителей государственных научных академических или отраслевых институтов, играющих роль публичных или государственных экспертов, иногда профессуру вузов; ньюсмейкеров – модные фигуры (писатели, артисты, журналисты, телеведущие и пр.) из опасения выпасть из системы и «потерять всё», либо из чистосердечной сервильности.

Все это сборище людей коллеги из «Левада-Центра» предлагают назвать «полусветом» полицейского режима, так как ни одной из важнейших функциональной ролей элиты это образование не выполняет. «Реальная политика» при Путине делается «под ковром», в кабинетах его администрации, в коридорах власти, складываясь в виде постоянного компромисса между интересами олигархических кланов, приближенных к власти.

Нынешний режим в России держится на смеси массовой апатии и дистанцированности населения от политики в сочетании с условной поддержкой численно небольшой группы, выигравшей от происходящих в стране изменений благодаря своей близости к власти или сохраняющимся связям с распределительными механизмами прежней системы – государственными, полугосударственными или сросшимися с государством структурами бизнеса. Эти группы отличаются лояльностью по отношению к режиму и зависимостью от него, большой коррумпированностью, постоянно усиливающейся из-за централизации контроля государства над обществом, удовлетворенностью своим положением и оптимистическими перспективами. К этим группам относятся примерно 10–15 % взрослого населения.

Главный эффект функционирования этих групп описывается при помощи этологических моделей «паразитарной кастрации». Речь идет о появлении групп исполнителей «высшей воли» ценой отказа от соответствующих ценностей и типов поведения, о перекладывании функций «целеполагания» и репрезентации групповых идеалов, ориентиров, интересов на высшую власть. Это означает примитивизацию социального устройства общества, архаизацию социального порядка, восстановление механизма понижения качества политики и управления. Данные процессы происходят через селекцию определенных человеческих типов. Если обобщить ответы респондентов, то в постсоветской ситуации существуют типы трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя-функционера, лизоблюда, карьериста, идеалиста, дурака. «Наверх» отбирается тип безынициативного приспособленца, лишенного достоинств и знаний. Этот тип произведен от нынешнего «централизма», выступает «клеем» между властью и массой.

Таким образом, наследники советского общества в социальной и политической сфере не в состоянии адекватно реагировать на универсальные социальные явления и процессы. По известному определению А.С. Пушкина, правительство в России является «единственным европейцем». Возникает вопрос: сознательно или бессознательно оно переносит в страну все описанные стереотипы для трансляции своего господствующего положения?

Литература

1. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема элиты в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007. 372 с.

References

1. Gudkov L., Dubin B., Levada Ju. Problema jelity v segodnjashnej Rossii. Razmyshlenija nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovanija. M., 2007. 372 s.

2. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. 527 с.

3. *Макаренко В.П.* «Демократическая вселенная»: заметки о книге Роберта Даля // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011. № 3. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.3/03.pdf> (дата обращения: 22.08.2013).

4. *Макаренко В.П.* Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону, 2000. 480 с.

5. *Хардт М., Негри А.* Субъективные фигуры кризиса // Синий диван. 2014. № 19. С. 85–104.

2. *Kozlova N.N.* Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii. M., 2005. 527 s.

3. *Makarenko V.P.* «Demokraticeskaja vselennaja»: zametki o knige Roberta Dalja // Politicheskaja konceptologija: zhurnal meta-disciplinarnyh issledovanij. 2011. № 3. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.3/03.pdf> (дата обращения: 22.08.2013).

4. *Makarenko V.P.* Glavnye ideologii sovremennosti. Rostov-na-Donu, 2000. 480 s.

5. *Hardt M., Negri A.* Sub#ektivnye figury krizisa // Sinij divan. 2014. № 19. S. 85–104.